

ВАРИАТИВНОСТЬ В ОРФОГРАФИИ

Е.В. Бешенкова

В статье рассматривается проблема вариативности в орфографии. Выделяются разные типы вариативности: вариативность на этапе становления нормы, на этапе изменения нормы и на этапе функционирования нормы. Вариативность двух первых типов – явление временное и может быть отрегулирована нормализаторами. Вариативность третьего типа – явление устойчивое, связанное с функционированием системы и регулированию не поддается. Более подробно рассматривается вариативность в написании слов с отрицанием.

Ключевые слова: орфография, вариативность, типы вариативности, частица-приставка «не».

Атрибутом любой развивающейся и функционирующей системы являются варианты. Относительно языка об этом писал еще И.А. Бодуэн де Куртенэ: «Понятие эволюции должно привести к допущению постоянных осцилляций, колебаний в строении языка» [1]. Варианты признаются закономерными на всех уровнях языка, кроме орфографии, где они воспринимаются как результат ее неупорядоченности. Причинами появления вариантов в орфографии называют либо наличие правил, допускающих факультативные написания, либо же отсутствие правила [2], но никак не объективные законы языка. Связано же такое положение дел с особым статусом орфографии, письма и в языке, и в науке.

Термин орфография имеет два понимания: «исторически сложившаяся система единообразных написаний, которая используется в письменной речи» и «раздел языкознания, изучающий и разрабатывающий систему правил, обеспечивающих единообразие написаний» [3]. В первом значении термин орфография смыкается с термином письмо, которое определяется как «знаковая система фиксации речи, позволяющая с помощью начертательных (графических) элементов передавать речевую информацию на расстоянии и закреплять ее во времени» [3, с. 379].

В современной русистике значительно превалируют работы, рассматривающие орфографию во втором понимании, хотя и несколько расширенном: кроме совокупности правил, в нее включается еще и орфографический словарь. Исходя из того, что и правила и словарь являются творением человека, орфографисты приходят к следующим утверждениям: в процессах нормализации и кодификации в орфографии максимальную роль играют *сознательные* процессы; коди-

фицируемые явления охватывают практически *весь материал*; орфографические предписания максимально *жесткие*, а *варианты* должны допускаться лишь в незначительной мере или вообще не допускаться. Развитие же орфографии с этой точки зрения может идти только одним путем – путем реформ.

Однако письмо, то есть орфография в первом понимании, может не соответствовать правилам и даже противоречить им, может также не охватываться словарями. «Грамотное», «правильное», «нормативное» написание может не совпадать с результатом применения правила. Так например, существуют слова, которые не употребляются без *не*, то есть по правилу должны писаться слитно, но в текстах встречаются только в раздельном написании: *не наздравствуешься, не преминуть, не поздоровиться, не заладиться, не обессудь(те)*. Причем до последнего времени эти слова с частицей не включались в словари и не упоминались в правиле в качестве исключений. Менее показательными примерами являются слова, написание которых можно определить по словарю, хотя оно и явно противоречит правилам (ср. правописание слов *побирушка, постирушки, выдирки, слоговой* противоречит правилу написания слов с этими корнями, нет в правилах и многих корней с чередованием: ста / сто(й): *стоять, остановка, стоянка, остов*, зев/зи: *разевать, разинуть*, леж / ляг: *лежать, лягу* и т. д.).

Если письмо может быть «грамотным», «правильным» и противоречить правилам, это означает, что правила являются лишь попыткой кодифицировать сложившуюся норму письма, но сама это норма существует объективно, независимо от желания орфографистов. Это вполне соответствует разграничению нормы как «внутриязыкового» фе-

номена и кодификации как явления внешнего по отношению к языку, проведенного еще Э. Коссериу. Но норма в теории Коссериу неразрывно связана с системой: это ограничение предоставляемых системой возможностей. Является ли письмо системой? Этот вопрос вызывает большие споры.

Еще И.А. Бодуэн де Куртенэ определял устную речь и письменную как две формы языка. И в современной лингвистике сохраняется эта точка зрения. Так, Н.Д. Арутюнова говорит о двух формах речи: звуковой и письменной. «Речь – конкретное говорение, протекающее во времени и облеченное в звуковую или письменную форму. Под речью понимают как сам процесс говорения (речевая деятельность), так и его результат (речевые произведения, фиксируемые памятью или письмом)» [3, с. 415].

Признавая вторичность письма по отношению к устной форме, И.А. Бодуэн де Куртенэ не отрицал его системности. Он предложил термин графема, что является основой для рассмотрения письма как системы. «Противопоставление понятий типа X-ема и алло-X отражает одну из фундаментальных особенностей знаковых систем» [4]. Относительно самостоятельной системой считали эту форму языка члены Пражской лингвистической школы. Так, Й. Вахек определяет письменную и устную формы языка как две более или менее самостоятельные системы. Однако преобладающим является мнение, что системность в письме существует только там, где «графемы корреспондируют с единицами устного языка», что «говорить о наличии системы в графике, рассматриваемой автономно от звукового языка, нет оснований» [5].

А.А. Зализняк приводит два понимания термина *г р а ф и ч е с к а я с и с т е м а*: «В узком смысле он означает просто инвентарь общеобязательных графем, в широком смысле – этот же инвентарь и так называемое базисное соответствие между графемами и фонемами». Орфографию же он определяет как «принятую в некотором обществе или коллективе совокупность правил, предписывающих для каждой словоформы определенное (так наз. орфографически правильное) написание (или написания)... Образно выражаясь, орфография – это средство борьбы за единообразие против тех лишних степеней

свободы в передаче звучания, которые предоставляет графическая система. Приемы могут быть чрезвычайно разнообразными. Так, орфографические правила могут требовать учета самых различных аспектов слова или передаваемого им понятия (графика, фонология, морфонология, морфология, синтаксис, семантика; происхождение слова)» [4, с. 150]. Это не универсальное требование, орфографии разных языков могут по этому критерию сильно различаться. А.А. Зализняк допускал систему письма вообще без орфографии, то есть такую «где всякую словоформу разрешают передавать любой из ее графически правильных записей (и никак иначе)» [4, с. 151].

В русском языке мы имеем систему графики и совокупность правил, распределяющих возможности реализаций графических средств, – орфографию. В соответствии с этим вводится две системные единицы: графограмма и орфограмма [6]. Систему графики можно рассматривать как сложную систему с центром и периферией. К периферийным подсистемам можно отнести правописание заимствованных слов и собственных имен, несмотря на их количество. Количественный признак менее важен, чем тот факт, что слова, осваиваясь, переходят в другую подсистему, и никогда не наблюдается обратного движения. Имена же собственные – пример жизни языка только в системе графики без орфографии. Совокупность собственно не-графических правил основывается на нескольких взаимосвязанных принципах: принцип неотражения позиционных чередований в одной морфеме – принцип отражения позиционных чередований фонем; правописание на стыке морфем – правописание внутри морфемы, сохранение традиционного написания, соблюдение морфолого-графических аналогий (ь в *ночь* по аналогии с *ель*, *нож* как *дом*, *режь* как *брось*, *беречь* как *брать*). Эти принципы взаимосвязаны и функционируют как система. В каждом принципе есть своя совокупность правил, которые составляют свои подсистемы (см. об этом подробнее в [7]).

При анализе функционирования этой системы письма и нормы можно выделить несколько «точек напряженности», в которых закономерно ожидать появления вариантов. **Такие точки напряженности могут**

быть связаны с этапом становления нормы, с этапом функционирования нормы и с этапом изменения нормы. И в этом орфография ничем не отличается от морфологии или синтаксиса.

Приведем отдельные примеры. Так, вариативность на этапе складывания нормы связана с появлением новых слов. Это, прежде всего, заимствования.

Попадая в систему русской графики и орфографии, слово оказывается в сфере действия сразу нескольких принципов. Только появившееся, например, заимствованное слово, во-первых, попадает в систему графики и должно реализовать одну из возможностей, предоставляемую графикой. Например, графика предоставляет по несколько теоретически возможных вариантов написания слова *плайя* (морское побережье *плая, плайя, плайа*), или слова *плейас* (геол. термин *плейас, плэйас, пляс, плэас, плейас, плэйас*), или слова *плеер* (*плеер, плэер, плейэр, плэйэр, плейер, плэйер*). Выбор не может произойти мгновенно, и на этапе складывания нормы неизбежны варианты. Кодификаторы пытаются элиминировать этап складывания нормы, но при существовании достаточного количества независимых словарей этого все равно не происходит и произойти не может. Наличие противоречивых рекомендаций закономерно и неизбежно. Оно объясняется не недостаточной квалифицированностью или проницательностью авторов словарей, а самим наличием в системе графики возможности различного выражения одного и того же звукового состава. На выбор одного из допустимых графикой вариантов влияют и принципы орфографии. Например, при окончательном выборе написания для слова *плеер* может сыграть роль морфологический и словообразовательно-морфологический фактор: ассоциация со словами *плей-офф, плейбой, плеймейкер*, с одной стороны, и активизация суффикса *-ер-* с другой, могут привести к морфологическому разложению слова и вычленению корня *-плей-* и суффикса *-ер-*, что, в свою очередь, может повлиять на написание слова. Иногда выбор какого-либо одного варианта так и не происходит, тогда слово закрепляется нормативно в словарях в двух орфографических вариантах (например, *фьорд* и *фиорд*, *фортепиано* и *фортепьяно*). Вопрос о том, какова должна быть позиция

нормализаторов при кодификации появляющихся слов, оказывается неочевидным. Одни авторы словарей идут вслед за узусом и кодифицируют наиболее частотный вариант, другие – фиксируют несколько вариантов. Как показал В.И. Беликов в выступлении на круглом столе, посвященном проблемам орфографии, конференции «Культура устной и письменной речи» (Звенигород, 2007), даже значительно преобладавшие написания уступают свои позиции со временем, если словари дают противоположную рекомендацию. Поэтому кажется логичным в словарях новых слов реализовывать определенную политику и не расшатывать систему русского письма.

Примером, иллюстрирующим вариативность написания на этапе становления нормы и не являющимся заимствованием, может быть слово *пол-литровый/поллитровый*. У группы слов с первой частью *полу* появляются разговорные варианты с первой частью *пол* (*полметровый, полкилометровый...*). Если не учитывать историю слова, то написание слова *пол(-)литровый* определяется правилом написания прилагательных, образованных от дефиснопишущихся существительных: должен сохраняться дефис (*пол-литра*). Но слово является вариантом слитно пишущегося слова, а также живо ощущается его связь с образованным от него словом *поллитровка*, и это объясняет существование варианта *поллитровый*, кодифицированного в таком виде в словаре А.А. Зализняка. В данном случае вариативность обусловлена не графическими возможностями, а орфографическими факторами. Примеры этого типа единичны и их существование обычно кратковременно: орфографисты приходят к единому решению.

Рассмотрим пример вариативности, возникающей на этапе функционирования нормы. Влияние морфологического принципа в настоящий момент сказывается в появлении в печати слов с приставкой на согласный и корнем, начинающимся на *и*: *предистория, надиндивидуальный, безитопечный*. Написание корней на *и* после приставок на согласную определяется двумя принципами: для приставок иноязычного происхождения действует морфологический принцип, а в словах с русскими приставками действует фонетический принцип. Наличие двух противоре-

чащих принципов, даже при их четком дополнительном распределении, всегда будет приводить к попыткам реализовать для той или иной словарной единицы противоположный вариант. Это необязательно должно приводить к существованию вариантов в норме, они могут какое-то время существовать только в узусе, а потом в каком-то одном закрепиться в норме. Б.А. Успенский в курсе истории русского литературного языка противопоставляет статичность нормы и динамичность языка: «В отличие от эволюции системы эволюция нормы ...имеет не непрерывный, а дискретный (ступенчатый) характер» [8]. Такой подход вполне соответствует тому, как до сих пор менялось написание отдельных слов. Однако когда постепенно меняется не одно слово, а целый класс слов, то без этапа вариативности, как будет показано ниже, не обойтись.

Взаимодействие нескольких принципов в написании сложных прилагательных привело к максимально конфликтной ситуации. Существовавшее ранее правило, основанное на сочинении и подчинении, не соответствует массе написаний и сложно при определении написаний вновь образующихся слов, так как далеко не всегда очевидно взаимоотношение основ (ср. всемирно-исторический). Это привело к появлению «нового» правила, основанного на морфологической структуре, а именно на наличии суффикса в первой части. В результате на сегодняшний день мы имеем несколько словарей, ориентированных на разные правила и рекомендующих разные написания. В практике письма, естественно, в такой ситуации встречаются варианты. Политика орфографистов в этой области не приводит к стабилизации ситуации. Необходимо, прежде всего, выделить область, где обе тенденции (старое и новое правило) действуют согласованно и область, где тенденции друг другу противоречат. В области противоречия находятся все вариативные написания. Для этих слов нельзя создать правило-предписание, можно лишь найти вектор предпочтения, создать правило-рекомендацию, временно узаконив варианты.

Таким образом, этап изменения нормы может проходить стихийно или в результате действия нормализаторов. Во всех сферах языка, кроме орфографии, этап изменения нормы начинается в стихийной норме и

только потом находит свое отражение в кодификации. В орфографии иногда нормализаторы меняют написание слов, не имеющих колебаний в практике, в стихийной норме. (Еще одним примером является написание слова *заревать* / *зоровать*: его кодификация изменилась в Орфографическом словаре русского языка в 2000 г. Безусловно, какое-то время будут сосуществовать варианты). Такого типа варианты в других областях невозможны. Поэтому для этого типа примеров мы будем говорить не о вариантах, а о смене кодификации.

Попробуем рассмотреть с точки зрения вариативности как результата функционирования системы и нормы в орфографии правило о написании слов с общеотрицательной частицей или приставкой *не*. Правда, данное правило занимает несколько особое положение в орфографии, поскольку в нем отражается языковое противопоставление частицы и приставки.

Вариативность в написании слов с отрицанием

Правописание многих слов с *не* противоречит правилу, но и противоречащее правилу написание может быть однозначным. Колебания же встречаются в строго определенных случаях.

1. Колебания могут быть связаны со становлением нового приставочного значения.

У слов в сочетании с приставкой *не-* появляется новое значение, которое не совпадает со значением сильного и слабого отрицания, приписываемых приставке. Слабое отрицание порождает квазиантонимичное (контрадикторное) понятие (*неумный*, *невеселый*), а сильное отрицание порождает антонимичное понятие (*незамысловатый*, *незрячий*, *неправда*, *несправедливый*). Ю.Д. Апресян описывает квазиантонимичное значение как 'противоположное с оттенком умеренности'. Л.А. Баранова [9] определила новое значение как «дихотомичное» и выделила один типичный для реализации этого значения контекст: конструкция «А и неА», ограничив круг слов только прилагательными. Если пишущий хочет подчеркнуть именно это разделение мира на две части, то он выбирает слитное написание, независимо от того, дается такое слово в словаре или нет: *В*

других славянских и неславянских языках поговорок, прямо связанных с жиро́м 'кормом', нет. Конечно, это не единственный контекст для реализации этого значения. Аналогично можно ввести контекст «А или неА». И не только прилагательные приобретают это значение с приставкой *не-*, ср.: «Путь» есть реализация или нереализация «дороги». Карнавальная маска, в отличие от сценического актера, не знает черты, отделяющей художественное пространство от непространства. Первое (бытовое пространство) заполнено вещами с резко выделенным признаком материальности, второе (волшебное) – непредметами: природными и астральными явлениями. Даже неморяк знает, что при сильной волне корабль надо поворачивать к этой волне носом. Обычно в учебниках отмечаются только существительные, обозначающие лиц: *недемократ, нерусский, неспециалист, ... нелитератор, неязыковед, неэтимолог...* [Розенталь 1999, с. 67], хотя другие учебники отрицают возможность слитного написания этих слов [10]. Словари вводят совсем немного таких слов, даже меньше, чем учебники. В узусе круг таких слов исключительно широкий. В этот круг включаются не только существительные со значением лица, а любые, противопоставленные слову без *не* как дихотомические. Обычно и существительные стоят не в предикативной позиции, но встречаются примеры и с предикативными существительными, в позиции после связки. (Во многих случаях орфографическая практика вырабатывает промежуточный вариант: написание через дефис. Дефис подчеркивает, что имеется в виду формирование отдельного понятия, а не само по себе отрицание: *Инверсия конституирующего и не-конституирующего компонента*.)

Говоря, что встречаются слова в слитном написании с *не*, мы подразумеваем, что встречаются они и в раздельном написании. Допустимость слитного написания не означает его обязательно слитного написания. Слишком смело было бы ожидать, что процесс формирования нового значения произойдет скачком, что в этой позиции все прилагательные будут писаться слитно и только слитно. Те же самые фразы, приведенные в раздельном написании, не вызвали бы удивления у читателя. Приведем реаль-

ный пример: *Раскольников делит людей на подлецов и не подлецов, а их практику на подлую и не подлую*. Таким образом, можно говорить об узуальной стадии формирования нового значения и об обусловленности вариативного написания именно формированием нового приставочного значения.

На настоящий момент мы должны допустить в данном контексте возможность и слитного и раздельного написания, то есть легализовать допустимость вариантов.

2. Колебания могут быть связаны с этапом **изменения нормы**.

В последних изданиях академического орфографического словаря изменена норма написания некоторых прилагательных превосходной степени: *нелучший**; в *нелучших условиях, в нелучшую сторону, с нелучшей стороны; нехудший**; в *нехудших условиях* (РОС2). Можно ли предполагать, что это написание сразу станет общепризнанным?

Слова могут с течением времени изменять свою сочетаемость, морфологические характеристики и синтаксическую употребимость. Например, слово теряет свободу употребления и фиксируется только в контексте с отрицанием. Тогда оно подпадает под пункт правила о слитном написании. В конфликт вступают закрепившаяся норма и орфографическое правило. Разрешение конфликта зависит от крепости нормы. Так, для глаголов побеждает нормативное правило о раздельном написании *не* с глаголами, то есть глаголы продолжают писаться раздельно, не допуская колебаний. Другие же слова начинают изменять написание: в словарях и в узусе наблюдаются колебания для форм *не жилец* (РОС, БАС) – *нежилец* (Орф. 1991, Соловьев, БТС), *не лишне* (МАС) – *нелишне** (РОС) – *нелишне* (БАС, Орф. 1991, БТС) (у Розенталя *нелишне напомнить*), *невзирая на лица* (Ожегов, Орф. 1991, РОС), хотя у Розенталя отмечается раздельное написание *не взирая на лица* (Розенталь 1970, с. 107), *не спеша* (РОС) / *неспеша* (узус), *не покладая* (узус) / *непокладая* (узус). Для предикативов и наречий нет жесткого правила: одни предикативы пишутся слитно, другие – раздельно, поэтому словам этих разрядов легче изменить написание. (Аналогичная вариативность наблюдается в морфологической системе: при изменении типа спряжения или склонения слова, не все формы сразу под-

страиваются под новый тип, для некоторых форм появляются варианты *пылесо-сю/пылесошу* т. п.) Можем ли мы отказаться от стадии вариативности и настаивать на написании этих слов в том или ином варианте?

3. Третий тип колебаний, связанный с этапом **функционирования нормы**, обусловлен осуществлением нормой выбора реализаций системных возможностей.

Норма осуществляет выбор возможностей, предоставляемых системой. Теоретически возможна ситуация, когда в определенной позиции данное системное противопоставление выражено быть не может. Тогда в принципе в норме есть две возможности: выражать одним из элементов противопоставления, выбрать третий элемент или допускать наличие и одного и другого вариантов. Нейтрализация первого типа встречается в фонологии, где «и представителем архифонемы может выступать нечто третье, а может совпадать и с одним из членов оппозиции» [11]. На других ярусах языка возможен второй тип нейтрализации. Так, в качестве примера нейтрализации единиц плана содержания можно привести такое «совпадение значения различных форм в определенном контексте, как, напр. русское *я пойду* и *я пошел*» [11].

Исходя из системных возможностей, можно предсказать, что употребление частицы или приставки зависит от того, в какой компонент актуального членения (АЧ) входит слово с отрицанием. Обычно частице *не* приписывается значение быть показателем ремы, но существуют аргументы в пользу той точки зрения, что частица *не* в отрицательном предложении сама является ремой [12]. На этом признаке строится противопоставление частицы и приставки: частица может быть ремой в предложении, а приставка не может иметь самостоятельного значения в АЧ фразы. Это различие добавляется к уже хорошо известным: приставка может нестандартным образом менять значение или сочетаемость слова без *не*, приставка может иметь областью действия только слово, а частица – словосочетание. При таком определении оппозиции частицы и приставки понятно, что важными, значимыми являются компоненты АЧ, в которые попадает слово с отрицанием, то есть по-разному может проявляться эта оппозиция в компоненте темы, сильной, главной ремы и остальной части

ремы. Допустим, отрицание попадает в сферу темы, это означает, что значение ремы, присущее частице, выражено быть не может. Есть две логические возможности в данной ситуации: 1) выражать отрицательное значение только приставкой; 2) оставлять выражение немаркированным, то есть выражать либо приставкой, либо частицей без смыслового различия. Выбор одной из этих возможностей определяется нормой. В позиции фокуса ремы частица тоже не может конкурировать с более сильными претендентами на роль ремы без интонационной или лексической поддержки и возникает ситуация, почти аналогичная предыдущей. Позиция не главной ремы – единственная позиция в АЧ, которая предоставляет возможность частице выразить свое значение.

Разберем первую позицию, в которой системное значение не может быть выражено, позицию темы.

Сравним два предложения *(не)глубокие раны быстро затягиваются* – *Быстро затягиваются раны (не)глубокие*. В первом предложении прилагательное может писаться только слитно с *не*, во втором – в зависимости от акцента: слитно, если ударение не падает на отрицание, и раздельно, если акцент именно на отрицании. В первом предложении прилагательное стоит в тематической части предложения, во втором – в рематической. Следовательно, критерием должна быть не столько функция сказуемого или определения, как об этом говорится в правилах, сколько роль в АЧ фразы. Важность именно тема-рематической позиции отмечал и А.В. Гладкий. Так, он писал: «если кто-нибудь напишет монографию о кроватях, сделанных не из железа, то она будет называться «Нежелезные кровати»... Критерием, определяющим, может ли сочетание прилагательного с *не* образовать единую лексему, может считаться его способность быть темой» [13]. Действительно, для слитного написания в позиции темы есть основание – невозможность выразить значение частицы. Возможность написать слитно появляется, однако реализация этой возможности определяется нормой. Пишется ли реально *нежелезная кровать* и т. п., определяется нормой. Для одних слов норма допускает слитное написание, для других нет. Так, только раздельное написание допускают, например,

слова *глухой, голодный, вечный, лохматый, кудрявый, ленивый, шуточный* (но и употребляются они с отрицанием в основном в предикативной позиции). Например: *Я, поди, не глухая. Звук был не глухой, но и не звонкий. Она женщина неглупая, к тому же не глухая и не слепая.* – *Не голодный голодного не поймет; Не грозных царей не должно быть, Не горячий хлеб не вкусен; Не кудрявые парни у них не пользовались успехом; Не лохматые щенки ценятся меньше, чем лохматые; Только не ленивые дети смогут найти ответ;* В приведенных фразах, если они вообще допустимы, при предпочтительности раздельного, привычного, написания, допустимо и слитное написание прилагательных с отрицанием.

Позицию сильной, главной ремы часто занимают наречия-обстоятельства. Наречия-обстоятельства на -о в своем абсолютном большинстве – наречия со значением образа действия. Во фразе они играют роль обстоятельства образа действия, то есть являются модификатором глагола или же являются модификатором всего предложения. Наиболее обычная роль обстоятельства образа действия в коммуникативном членении фразы – роль фокуса ремы, либо они входят в одну составляющую с глаголом. Требуется особый акцент, особая структура фразы, чтобы при обстоятельстве образа действия главный акцент перевести на отрицание. *Дрова стоят недорого – дрова стоят не дорого* (вы думаете, что дрова стоят дорого, а они стоят не так уж и дорого). Вторая фраза возможна только с акцентом на отрицании.

Казалось бы, все такие наречия-обстоятельства должны писаться слитно или при особом акценте на отрицании раздельно, как этого и требуют правила. Но анализ практики письма показал, что по правописанию с нейтральным отрицанием наречия-обстоятельства могут быть разделены на три группы: 1. наречия-обстоятельства, которые пишутся только раздельно (*нужно полно и не избыточно описать условия выбора; действительность отражается не прямо, не непосредственно; ты не напрасно пришел сюда; я не поздно ложусь; он не роскошно одевается; он принял решение не мгновенно*); 2. наречия-обстоятельства, которые пишутся только слитно вне очевидных контекстов (то есть вне контекстов *отнюдь не, едва ли на,*

чуть ли не), например: *Немилостиво растался Троекуров со своими гостями. Понятие контекста неоправданно расширялось.* 3. наречия-обстоятельства, которые могут писаться и слитно, и раздельно. Среди наречий этой группы можно выделить две подгруппы: наречия, разное написание которых подразумевает разное значение, и наречия, разное написание которых не означает разных значений. Так, в следующих примерах вряд ли можно признать разные значения у слов с отрицанием: *Это решено не окончательно, но некоторые приготовления ведутся. Оно не окончательно подпало под власть дехристианизации. Отказать неокончательно* (БАС).

От чего зависит распределение наречий по этим группам? И чем объясняется наличие явных вариантов? Значение ремы частицы в позиции фокуса ремы может быть выражено только при наличии слов усилителей, типа *отнюдь не*. Без этих слов выражение значения ремы весьма затруднено. Следовательно, распределение слов по группам определяется только нормой. При наличии же двух групп с необходимостью возникает и третья, которая колеблется между двумя.

В позиции при «неглавной реме» роль ремы может быть передана отрицанию. Это прежде всего предикативная позиция. В позиции предиката могут употребляться глаголы, наречия-предикативы, прилагательные в полной или краткой формах и существительные.

По правилу и краткие прилагательные, и наречия-предикативы с *не* пишутся слитно «при утверждении отрицательного признака» и раздельно «при отрицании положительного признака» [Розенталь 1999, с. 70, 75]. Исследователи неоднократно отмечали сложность этого противопоставления. Так, В.В. Виноградов писал: «различия в написаниях не радостный и нерадостный...полные тонких смысловых оттенков, далеко не всеми могут осознаваться и воспроизводиться» [14]. Однако рассмотрим реальные примеры: *Как они непохожи на мою статную мечту.* – *Бывает, что в течение долгого времени тебе обещается большая удача, в которую с самого начала не веришь, так она не похожа на прочие подношения судьбы. Все это так не похоже было на него. Все было так странно, так непохоже на то, чего он наде-*

ялся. Его дочь страшно похожа на мать, почему на него она не похожа? Сам герой не похож на такую молодежь. Он был совсем на себя не похож; Этот вывод глубоко не верен. Мне возразят, что выдвинутая мной альтернатива – мещане или бесы – в корне не верна. И все же это положение по существу не верно, и главное – совершенно неинтересно. Портрет, не передающий главных, выразительнейших черт лица, неверен. Когда сумма неверна, мы исправим ее. Сведения о движениях французов были всегда неверны... Не интересно играть, зная исход. Неинтересно слушать, как попусту спорят. Нет, так неинтересно. Нам неинтересно видеть, как разбивается актер, упав с трапеции. Неинтересно знать, что случится дальше. Не интересно лететь, когда ты не можешь управлять самолетом. Приведенные примеры не дают основания утверждать, что на письме действительно реализуется это противопоставление. Корректнее была бы следующая формулировка правила: наличие смыслового акцента на отрицании предполагает раздельное написание.

Узус показывает, что существует три класса слов:

1. слова, которые пишутся только **раздельно**, например, краткие прилагательные: *не болен, не виден, не вреден, не галантен, не гениален, не глух, не годен, не готов, не жаден, не занят, не короток, не мал, не мил, не намерен, не обязан, не подвластен, не равен, не свободен, не свойственен, не свят, не склонен, не смешон, не согласен, не чужд* (Мне была *не чужда* некоторая склонность к богеме. Даже пингвин *не чужд* некоторой игривости.);

наречия-предикативы: *не безразлично, не больно, не совестно, не исключено, не любо, не обидно, не положено, не скучно, не слышно, не совестно, не стыдно, не суждено, не исключено, не худо бы, не холодно*;

2. слова, которые пишутся только **слитно**, среди прилагательных таких слов единицы, напр. *неохоч*, а наречий-предикативов много, например: *неверно, невозможно, недурно, неловко, немило, необычно, неосмотрительно, неосторожно, непозволительно, непривычно, непорядочно, неприлично, неправильно, непристойно, неприятно, нетрудно, неудобно*;

3. слова, которые пишутся и так и так, например, прилагательные: *невелик / не велик, не верен / неверен, не властен / невластен, неволен / не волен, не глуп / неглуп, неженат / не женат, незнаком / не знаком, не известен / неизвестен, не интересен / неинтересен, непричастен / не причастен, неправ / не прав, непрост / не прост, не способен / неспособен*;

наречия: *неважно / не важно, неизвестно / не известно, невесело / не весело, неестественно / не естественно, неинтересно / не интересно, необязательно / не обязательно, неплохо / не плохо, непонятно / не понятно, не просто / не просто, нестрашно / не страшно, не удивительно / не удивительно, не ясно / не ясно, незаметно / не заметно, немудрено / не мудрено*.

Иногда словари пытаются ограничить эти колебания и вводят свои ограничения. Но, как и для слов, только входящих в язык, эти ограничения бывают противоречивыми. Так, Большой русский орфографический словарь рекомендует раздельное написание *не похоже, не здорово* (Не здорово, что ты не пришел), а РОС дает только слитное *непохоже, что чтобы...* и со звездочкой – *нездорово**.

Позиция предиката – единственная позиция, которая дает возможность выразить системное противопоставление приставки и частицы. Но наличие трех групп говорит о том, что в немаркированной позиции, то есть без особого акцента на отрицании, норма выбирает для одних лексем один вариант, для других – другой. В такой ситуации неизбежно возникает третья группа с вариативным написанием.

Словари все больше закрепляют сегодняшнюю узуальную норму, хотя иногда противоречиво. Так, если раньше некоторые слова, не употребляющиеся без *не*, но при этом раздельно пишущиеся, можно было найти только в толковых словарях как примеры при заголовочном слове без отрицания, то теперь орфографические словари идут по пути фиксации этого написания. В Академический справочник внесено 4 таких слова в качестве исключений. То есть мы идем по пути увеличения исключений, хотя в узусе практически все эти слова встречаются в слитном написании, глаголы редко – остальные достаточно часто. Словари пополняются

списками наречий-предикативов, пишущихся только раздельно. Но главный вопрос о вариативности написания все равно никак не решается. И извечный вопрос о написании (не)известно, (не)понятно, (не)важно и т. п. не находит своего ответа нигде и остается «на откуп» норме. А в норме совершенно закономерно при наличии слов с только раздельным и только слитным написанием появится группа слов с колеблющимся написанием. Таким путем, придерживаясь такой политики к единообразному написанию, мы не придем. С другой стороны, как показал опыт, мы не можем сильно вмешиваться в практику письма и требовать в позиции нейтрализации противопоставления какого-то одного написания, только слитного или только раздельного.

В орфографии существует несколько правил, которые можно назвать не правилами-предписаниями, а правилами-тенденциями. Правило-предписание охватывает почти все 100 % случаев, а правило-тенденция может охватывать не менее 50 %, а для остальных случаев быть только ориентиром. Чтобы постепенно влиять на ситуации в правило можно ввести модальные характеристики типа «предпочтительно написание». На наш взгляд именно такой выход из создавшейся ситуации возможен и в разбираемом правиле.

В заключение можно сделать вывод, что приведенные выше общепринятые характеристики орфографии как системы жесткой, строго контролируемой и безвариантной далеки от реальной ситуации. Орфография является, как и сам язык, как любая другая подсистема языка, открытой нелинейной системой. Колебания являются свойствами открытой системы. Орфография тоже не является исключением. Для нее, как для всякой открытой системы, закономерным и необходимым является наличие колебаний. Единственным отличием является невозможность ступени дефектности. Орфографию можно и нужно рассматривать с точки зрения системы и антисистемы, центра и периферии и не лишать ее таких основополагающих свойств живой системы, как варианты. Кодификация в орфографии, как и в других областях языка

тоже оказывается неполной и не столь императивной.

1. Бодуэн де Куртенэ И.А. Избранные труды по общему языкознанию. М., 1963. СПб., 1912. Т. 2. С. 219.
2. Букчина Б.З. Орфографические варианты // Литературная норма и вариантность. М., 1981.
3. БЭС. Языкознание. С. 350.
4. Зализняк А.А. О понятии графемы Balcanica. Лингвистические исследования. М., 1979.
5. Зиндер Л.Р. Очерк общей теории письма. Л., 1987.
6. Селезнева Л.Б. Категории и единицы современного русского письма. Волгоград, 1997.
7. Голев Н.Д. Антиномии русской орфографии / Алтайский гос. ун-т. Барнаул, 1997.
8. Успенский Б.А. История русского литературного языка (XI–XVII вв.). М., 2002.
9. Баранова Л.А. Лексико-семантические и синтаксические основы слитного и раздельного написания НЕ (прилагательные и наречия) АКД. Л., 1982.
10. Кайдалова А.И., Калинина И.К. Современная русская орфография. 4-е изд. М., 1983. С. 138.
11. Журавлев В.К. Взаимодействие внешних и внутренних факторов развития языка. М., 1982. С. 328.
12. Бешенкова Е.В. Лингвистическое обоснование правила слитного/раздельного написания НЕ // Вестн. Тамб. ун-та. Сер. Гуманитарные науки. Тамбов, 2000. Вып. 3 (19).
13. Гладкий А.В., Дрейзин Ф.А. К семантике русского отрицания // Wiener Slawistischer Almanach. 1983. № 11. С. 130.
14. Виноградов В.В. Культура русской речи и орфография // Лит. газета. 1964. 13 июня. (Цитируется по Букчина 1981).

Поступила в редакцию 29.11.2007 г.

Beshenkova E.V. Variance in orthography. The article deals with the problem of variance in orthography. Different types of variance are distinguished: variance at the stage of norm formation, at the stage of the norm changes and at the stage of the norm functioning. Variance of the first two types is the temporary phenomenon and can be regulated by normalizers. Variance of the third type is a steady phenomenon, connected with system functioning and is can not be regulated. Variance in the words with negations is considered in a more detailed way.

Key words: orthography, variance, variance types, particle-prefix “not”.